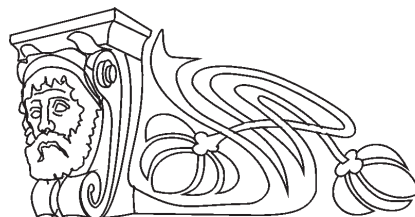

УДК 316.3

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ОБЩНОСТИ И ВЛАСТИ В СТРУКТУРАХ СЕТЕВОГО ПОРЯДКА

Дорошин Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ivansar@mail.ru

В статье анализируются предпосылки трансформации религиозной идентификации в обществе риска. Анализ социальных трансформации представлен в контексте соотношения формальных и неформальных институтов, в сравнении отношений общности и отношений власти. Потрясения, связанные с разрушением ценностного измерения, обусловили интенсивность трансформаций и формирование протестной динамики. Фундаментальные ценности – это заданная перспектива, не сводимая к расхожему пониманию социальной памяти. Это, скорее, социальная память о том, что есть будущее. Памятование «о будущем», «о смерти», «о вечности», «о вечной жизни» начинает определять наш выбор, который становится автономным и подлинно свободным. Ставится вопрос, определяет ли будущее что-то в сетевых сообществах, не сводимых ни к общностям, ни к обществу. От ответа зависит конституирование ценностного измерения отношений в структурах сетевого порядка. Проблема применения знаменитой идеи «конца истории» в отношении ценностного измерения власти усложнена тем, что цивилизационных линий много и каждая из них может знать свой конец истории. В структурах сетевого порядка эти линии так часто пересекаются, что в будущем, возможно, окажутся настоящей сетью. В свою очередь она сделает бессмысленным различие цивилизационных линий. Настоящий, глобальный «конец истории», таким образом, стоит «отодвинуть» в будущее. Впрочем, цивилизационные теории находят в эпоху экспертократии вполне конкретную реализацию; обязательным атрибутом являются территории «конца истории», где, собственно, ничего не происходит.

Ключевые слова: риск, ценности, элита, глобализация, сеть.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-388-392

Информационные технологии и общество риска задают два вектора в «системе координат» – отношений общности и отношений власти. Очевидно, что любые «отметки» в системе соотносятся с этими «ценностными» ориентирами: во-первых, они заданы сетевыми принципами общности и единства – человеческой общности и восприятия мира. Они имеют свою «информационную» специфику, о чем уже написано достаточно много [1]. Во-вторых, ценность события определяется возможностью «выигрыша», а значит – отношениями риска. Согласно У. Беку, «общество риска» оказывается такой парадигмой развития, где учитывается соотносительность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, «причем

эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями» [2, с. 264].

Пытаясь продолжить эксперимент с «линейками» координат, можно предположить, что отношения власти «стремятся» к тому нулю, где начинаются эти линейки: элитарность критически несовместима с общностью, а риск нивелируется мощью власти. Конечно, как и ноль, ситуация может существовать только в нашем сознании. Интуитивно можно предположить, что вектор общности связан с пространственным восприятием и демаркациями территориальных схем, а вектор власти – с «пониманием» времени. Далее по мере продвижения в системе координат происходит изменение в формировании, составе элит, они лишаются ореола агрессии и избранности. В борьбе с элитами развитие теряет разбег, а значит и деления на нашей «линейке» становятся все более частыми и мелкими, пока не станут бессмысленными и не наступит «конец истории». Актуальными останутся лишь сами линии социального бытия, вне смыслов и ступенек частной жизни. Как по стволу, лишенному ветвей, обнявшись, скользим мы к абсолютным, без оттенков итогам риска «вообще». Проблема применения знаменитой идеи «конца истории» в отношении ценностного измерения власти усложнена тем, что цивилизационных линий много и каждая из них может знать свой конец истории. В структурах сетевого порядка эти линии так часто пересекаются, что в будущем, возможно, окажутся настоящей сетью. В свою очередь она сделает бессмысленным различие цивилизационных линий. Настоящий, глобальный «конец истории», таким образом, стоит «отодвинуть» в будущее.

Впрочем, цивилизационные теории находят в эпоху экспертократии вполне конкретную реализацию: обязательным атрибутом являются территории «конца истории», где, собственно, ничего не происходит. Границы цивилизаций найдены там, где мусульмане и христиане жили сообща, а «человек играющий» оказался нормой поведения: «современное общество рассматривает опасности со стороны риска и воспринимает

их всерьез только как риски» [2, с. 156]. Отказ от риска в современных условиях рассматривается как отказ от рациональности [3, с. 148]. Таким образом, исследователям и экспертам удается навязать ценностную модель поведения, которая вписывается в их теорию и удобна для исследований в научно-исследовательской программе, что легко конвертируется во власть и выигрыш. Впрочем, размышлять в категориях риска стало свойством как экспертного, так и массового сознания [4, с. 119].

Уровень допустимого риска отличается для «власти» и тех, на кого данные решения распространяются. Как же происходит нивелирование? Из объективных процессов, возможно, энтропия может быть должным отражением социальных процессов. Рискогенные процессы так или иначе упираются в объективную реальность экологии, природы, тела, материи, снижение напряженности в «плоском» мире, не имеющем метафизической глубины и высот, совершается за счет дистанцирования. Оно все более напоминает «разбегание» в разные стороны. Социальные связи растягиваются до напряжения струны, превращая мир общностей в сеть. Шум сети делает невозможным восприятие «мелодии» социальной гармонии: таким образом, теряется этот важный ориентир.

Социальные дистанции рискогенной реальности нивелируют ценность выигрыша, а сами риски оказываются следствием угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха [5, с. 45]. В итоге сеть «страха» порождает невиданное в истории одиночество, которое и оказывается экзистенциальным концом истории. Институты же продолжают производить риски – как принятие решений, так и уклонение от этого – все приводит к ситуации риска [4, с. 119]. Современное общество – это самое неуверенное «в себе» образование, требующее уверенности и решений от каждого своего члена, стремящееся к дисперсии, т.е. властных полномочий как распределения ответственности. Схема распределения стремится к сетевой организации. Риски представляются как неизбежный *побочный продукт* принятия решений (У. Бек), поэтому можно сделать вывод – это *побочный продукт и действия власти*.

Неопределенность ситуации риска не позволяет сделать её полностью прозрачной для разума, реально оценить шансы. Если рискогенная реальность не допускает построения строгой рациональной модели выбора, то это означает, что в любом социальном прогнозе и проекте уже содержится нечто, способное вызвать в будущем сбой или ошибку [6, с. 92]. К сожалению, участие

в контроле политических решений означает не снижение напряжения, уход от рискогенности этих решений, а лишь повышение уровня социальной приемлемости риска. По мнению западных исследователей, это возможные преимущества сети: взаимодействие с разными людьми расширяет источники политической информации и активность, повышает толерантность к другим (правда, указывается, что в настоящее время это только предположение) [7, с. 30]. Отечественные же авторы давно сформулировали особенности сетевого общества: «Мы живём в сложном, противоречивом мире, где всё связано со всем и всё от всего зависит. Все возрастающая сложность социальных систем и процессов диктует необходимость особого внимания к категории риска, в которой, как в зеркале, отражается вся хрупкость действительности, когда малые причины могут вызывать большие следствия и, с другой стороны, титанические усилия приводят к разочаровывающим результатам» [8, с. 21].

Всеобщая система связей сделала наш мир похожим на «большую деревню» [9, с. 230], а значит, социальные связи необходимо упрощаются. Сложные институциональные программы поведения и коммуникации в этом пространстве затрудняют выбор в ситуациях риска, т.е. деформируют процессы социализации и развития личности [10, с. 9]. Движение подменяет всякое развитие: изменения и реструктурирование социальных «кластеров» и сегментов, перманентные кризисы и модернизации – все эти движущие силы сети приводят лишь к увеличению угроз для всех субъектов социальной деятельности.

Глобализация, как мы знаем, приводит к увеличению связей различных субъектов [11, с. 4], но понимания, насколько это звучит угрожающе, как правило, нет. «Киберхалифат» показал со всей очевидностью насколько легкой и доступной может быть самая неестественная для сложившихся социальных общностей система связей. Различия предполагают пространственное простираение до определенных границ с выделением временных и постоянных рискогенных зон посредством социальных правил пограничного взаимодействия. Но всего этого не существует в киберпространстве. Отношения иерархии и власти в этих условиях «дрейфуют» в сторону сетевой структуры: приходит конец «массовой демократии», порожденной индустриальным миром, возникает *мозаичная демократия*, ориентированная на отдельного индивида [12, с. 158]. Еще в 2003 г. В. Швиммер заявил, что именно европейские существующие институты «призваны взять на себя ответственность за создание нового порядка, при котором они приноравливаются к новым

задачам и будут поддерживать друг друга» [13, с. 274]. В Европе, по его словам, должна возникнуть новая многомерная архитектурная конструкция, которая охватила бы наряду с военными личными, экономические, экологические, социальные, культурные, этнические и политические аспекты безопасности.

Отношения власти определяет информация, оформляя наши мысли и представления. Ее, конечно, можно понимать как любые полезные сведения, инструкции или осмысленное сообщение содержимого, но это слово буквально означает «придать форму». Каков источник этих форм? Мы не говорим о формациях в классовой терминологии, хотя и существует попытка говорить о «нетократии» как об особом правящем «классе». Мы перестали говорить и о мире религиозной идентичности, который, «впечатываясь» в мир социальных практик, создает *символические формы власти и единства*. Мы даже перестали говорить о ризоматичности всех попыток в случайности и неопределенности сетевого порядка. По большому счету, мы подходим к тому, чтобы попытаться *совместить все, не совмещающего ничего*. В киберпространстве с его отсутствием привычного восприятия пространства и времени само совмещение через рядоположение или параллельность подходов, совмещение или их столкновение методологически *невозможно*, но одновременно возможно *как проект*, который успеет оказать необходимое воздействие, прежде чем рассыпется.

Ценности давно стали «ценностями» в рамках проекта – просто ориентирами. Они имеют свою власть в киберпространстве, но действие их совершенно иное: передающий их символ также должен быть «правильно интерпретирован для того, чтобы быть полезным» [14]. Возникают закономерные вопросы: какова сама по себе информация, и можно ли проследить влияние информационных технологий на моральные ценности?

Каждое наше действие оставляет информационный след, который может быть записан и сохранен для использования в будущем: вы начинаете видеть сложные тропы данных, которые создаете каждый день [14]. Поскольку не оказывается физических препятствий для распространения всей информации, остаются только призывы к морали или экономической справедливости, которая могла бы предотвратить распространение некоторых видов информации: «...понимание роли нравственных ценностей в сфере информационных технологий является необходимым условием для разработки и применения этих технологий...» [14].

Наблюдение подрывает нашу личную автономию, утверждает американский философ

М. Линч, поскольку мы рассматриваемся в качестве объектов, а не людей [15]. Знания, по его мнению, становятся прозрачными, есть ощущение повышенной прозрачности нашей жизни: это не расширение свободы, все наоборот – решения могут быть «свободными», но они не полностью автономны. Это, пожалуй, главная мировоззренческая подмена в наши дни – автономия приравнивается к «свободе» выбора, которая сводится к «свободе» нажать кнопку «купить»: очевидно, что в этой «свободе» человека активно и порой агрессивно «ведут». Разговор снова упирается в фундаментальные ценности как условия свободы, но свободы как автономии. Фундаментальные ценности – это заданная перспектива, не сводимая к расхожему пониманию социальной памяти. Это, скорее, социальная память о том, что есть будущее. Памятование «о будущем», «о смерти», «о вечности», «о вечной жизни» и т.д. И тогда оно начинает определять наш выбор, который становится автономным и подлинно свободным.

Определяет ли будущее что-то в сетевых сообществах, не сводимых ни к общностям, ни к обществу? Когда мы сможем сформулировать ответ, тогда и зафиксируем ценностное измерение отношений в структурах сетевого порядка.

В меняющихся условиях любая информация становится *публичной*. В истории культуры есть примеры абсолютно публичной жизни, например, юродивых, но это исключительные случаи *подвижничества*, невозможные для всех. Наш же случай, по мнению М. Линча [15], можно сравнить с ситуацией, когда нас бы заставили произносить вслух каждую мысль, которая приходит в голову, нравится нам это или нет, либо благодаря медиа-технологиям мы получили бы возможность читать самые сокровенные мысли без ведома человека. Таким образом, разрушается тот компромисс, на который указывал Т. Гоббс.

Источник значений все более оказывается на перекрестке двух магистральных путей: поиска автономии и поиска самой личности. Знания могут быть прозрачными, но власть такой бывает редко [15]. Это факт, который было бы разумно не забывать, даже если мы не видим непосредственной пользы от того, чтобы помнить об этом. Таковы последствия изменений для отношений общности в структурах сетевого порядка.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-01143 «Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона»).

Список литературы

1. Динамика религиозных общностей в рискогенной реальности : пространственный и институциональный горизонты. Саратов, 2015. 220 с.
2. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. 744 с.
3. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
5. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 161–168.
6. Стризоэ А. Л. Методологический синтез социального знания о рисках (концепция В. Б. Устьянцева и ее возможности) // Общество : пространство, риски, ценности. Саратов, 2012. С. 89–103.
7. Erickson B. Social networks : The value of variety // Contexts. 2003. Vol. 2, iss. 1. P. 25–31.
8. Борцов А. С. О детерминации рисков // Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире. Саратов, 2012. С. 21–26.
9. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 704 с.
10. Устьянцев В. Б. Амбивалентный человек в ситуациях риска // Цивилизация и человек. 2010. № 1. С. 7–10.
11. Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. 2005. № 11. С. 3–24.
12. Хевеши М. А. Социально-политические иллюзии, мифы и их воздействие на массы // Личность, культура, общество. М., 2002. Т. IV, вып. 3–4. С. 144–158.
13. Швиммер В. Мечты о Европе. М., 2003. 383 с.
14. Sullins J. Information Technology and Moral Values. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/it-moral-values> (дата обращения: 04.01.2016).
15. Lynch M. P. The philosophy of privacy: why surveillance reduces us to objects. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/may/07/surveillance-privacy-philosophy-data-internet-things> (дата обращения: 04.01.2016).

Образец для цитирования:

Дорошин И. А. Ценностное измерение отношений общности и власти в структурах сетевого порядка // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 388–392. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-388-392.

Value Measurement of the Relations of Community and the Power Structures Network Order

Ivan A. Doroshin

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: ivansar@mail.ru

The article analyzes preconditions of the transformation of religious identity in risk society. The analysis of social transformation is represented in terms of formal and informal institutions, in comparison of the relations of generality and relations of power. Shocks associated with the destruction of value measurement, led intensity transformations and the formation of protest dynamics. Fundamental values are specified in the prospect, are not reducible to the conventional understanding of social memory. It is rather a social memory that has a future. Mindfulness “about the future”, “death”, “eternity”, “eternal life” begins to determine our choices, which becomes autonomous and truly free. It raises the question of whether the future is something network communities, not reducible either to communities or to society. The answer depends on the design values and the measurement of relations in the structures of the network order. The use of the famous idea of “end of history” in relation to values and the measurement of power is complicated by the fact that civilizational lines a lot, and each of them can know your end of the story. In the structures of the network order, these lines often intersect in the future, perhaps they will be a real network. In turn it will make meaningless the distinction between civilizational lines. The real, global “end of history”, therefore, is to move into the future. However, the civilizational theory find in the era of expertocracy very specific implementation. Mandatory attribute are the “end of history”, where, in fact, nothing happens.

Key words: risk, value, elite, globalization, network.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-33-01143 «Religious community in the network structures of the social order: protest dynamics and institutional stability of the Russian region»).*

References

1. *Dinamika religioznykh obshchnostey v riskogennoy realnosti: prostranstvennyy i institutionalnyy gorizonty* [The dynamics of religious communities in a risky reality: spatial and institutional horizons]. Saratov, 2015. 220 p. (in Russian).
2. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, 2003. 744 p. (in Russian).
3. Luhmann N. Der Begriff Risiko. In: Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. New York, Berlin, 1991, pp. 9–40 (Russ. ed.: Luman N. Ponyatie riska. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 135–160).
4. Giddens A. Fate, risk and security. In: Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Cambridge, 1991, pp.109–143 (Russ. ed.: Giddens E. Sudba, risk i bezopasnost. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 107–134).
5. Beck U. From industrial society to the risk society. *Theory, Culture and Society*, 1992, no. 1, pp. 97–123 (Russ. ed.: Beck U. Ot industrialnogo obshchestva k obshchestvu riska. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 161–168).
6. Strizoe A. L. Metodologicheskii sintez sotsialnogo znaniya o riskakh (kontsepciya V. B. Ustyantseva i ee

- vozmozhnosti) [The methodological synthesis of social knowledge about the risks (concept V. B. Ustyantseva and its capabilities)]. In: *Obshchestvo: prostranstvo, riski, tsennosti* [Society: space, risk, values]. Saratov, 2012, pp. 89–103 (in Russian).
7. Erickson B. Social networks: The value of variety. *Contexts*, 2003, vol. 2, iss. 1, pp. 25–31.
 8. Borshchov A. S. O determinatsii riskov [On the determination of risks]. *Tsennosti, riski, kommunikatsii v izmenyayushchemsya mire* [In: Values, risks, communication in a changing world]. Saratov, 2012, pp. 21–26 (in Russian).
 9. Giddens A. *Sociology*. Cambridge, 2017. 1152 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Sotsiologiya*. Moscow, 1999. 704 p.).
 10. Ustyantsev V. B. Ambivalentnyy chelovek v situatsiyakh riska [Ambivalent people in situations of risk]. *Tsivilizatsiya i chelovek* [Civilization and man], 2010, no. 1, pp. 7–10 (in Russian).
 11. Fedotova V. G. Faktory tsennostnykh izmeneniy na Zapade i v Rossii [Factors of value changes in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2005, no. 11, pp. 3–24 (in Russian).
 12. Kheveshi M. A. Sotsialno-politicheskie illyuzii, mify i ikh vozdeystvie na massy [Socio-political illusions, myths and their impact on the masses]. *Lichnost, kultura, obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2002, vol. IV, iss. 3–4, pp. 144–158 (in Russian).
 13. Schwimmer W. *The European dream*. London, 2004. 256 p. (Russ. ed.: Shvimmer V. *Mechty o Evrope*. Moscow, 2003. 383 p.)
 14. Sullins J. *Information technology and moral values*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/it-moral-values> (accessed 4 January 2016).
 15. Lynch M. P. *The philosophy of privacy: why surveillance reduces us to objects*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2015/may/07/surveillance-privacy-philosophy> (accessed 4 January 2016).

Cite this article as:

Doroshin I. A. Value Measurement of the Relations of Community and the Power Structures Network Order. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 388–392. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-388-392.
